

* * *

Уходит вечер в заиканье,
рыбак плывёт в заокееанье —
туда, где волнами разлуки
ложатся друг на друга звуки.
Где ни отлива, ни прилива,
и ночь — как рыба молчалива.
Он уплывает в близорукость,
его не мучают уже
во рту неслышанная сухость
и даже духота в душе.
В бреду ворочаясь, сопя,
вот-вот — и выловит себя.
И сразу по башке веслом —
без слов.

* * *

О, этот рембрандтовский свет —
течёт из плоскости другой,

Не той, где рубенсовский цвет,
Не там, где мы живём с тобой.
Он зарождается во тьме,
Его творец и слеп, и нищ,
Ну, что ещё сказать тебе,
о днище днищ?
Сломай подрамник, разорви
в клочки подстрочник.
Ведь этот свет не о любви.
Держи платочек.

* * *

По старой памяти, как говорится,
блуждаю и проваливаюсь в наст.
За лесом город празднично цветаст —
настолько, что нельзя
не возгордиться!

А тут пока не вытоптаны тропы,
своих воспоминаний тайный опыт

=====

Евгений Дьяконов (1989 г.р., Ленинград) закончил Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусства, работает экскурсоводом. Участник всероссийского литературного совещания в Химках, член СПб-отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России и Российского союза профессиональных литераторов, руководитель поэтической мастерской А. Ратнера. Дипломант и участник литературных фестивалей и конкурсов. Стихи публиковались в различных газетах и журналах. Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

=====

хранит могучий ельник тут и там,
а главное — о нашем шепчет нам

над головой, как прежде,
звёздный невод,
барахтаюсь его движенью вспять,
но, как всегда, за что угодно — пять,
а по предмету... по предмету — неуд.

* * *

Пока зима, дела не на мази,
ты небо отправляешь на УЗИ
и дышишь, задыхаясь, снежным
лесом,
молчишь — слова страдают
лишним весом
и тягой к человеческой грязи.

Тем временем вокруг светлеют ночи,
затем темнеют — всё в таком ключе,
а ты, не выговаривая «ч»,
прошепелявишь «осень»
вместо «очень»
и будешь прав —
в своём чутье, ничей.

* * *

Время сжимается,
как воздушный шар,
напрягаешь слух.
Тоненькой струйкой тихо течёт душа
и победный дух.
В городе — двушка,
За городом — лес и луг.
Сука-кукушка
взялась за извечный трюк:
саечка за испуг
саечка за испуг
саечка за испуг.

* * *

Я встретил постаревшую весну,
За ниточки дождей её ко сну
Всё клонит, клонит...
Где ты, ловкость рук?
Неужто заболела Паркинсоном?
Бесцеремонно ходят по газонам
пигментных пятен стаи и стада,
мутнеет разноцветная слюда
в зеркальных рамах,
и вода повсюду.
Скелеты, зомби или куклы-вуду —
печальные её однополчане,
уже по горло в собственном
молчанье,
первостепенный видя в том резон —
планируют свой бархатный сезон.
Шашлык-машлык, диета — не диета,
купальник этот, тот гамак возьми!
И это всё в преддверии зимы,
а может — лета.

* * *

Вчерашний день, река в инфинитиве,
стою, прильнув плечом
к плакучей иве,
но слов воды не вспомнить,
не забыть,
не разобрать...
смотреть... рыбачить... плыть...

А может быть, напиться и тонуть?
Луч солнца мне высвечивает путь.

Кувшинки золотятся на пути,
итить твою — отчётливо — идти.

* * *

За сорок лет,
но полночь шагнёшь,
за городом как вкопанный стоишь
и точно помнишь — не было афиш,

Но сделал шаг —
и вот тебе аншлаг,
а дождь перетекает плавно в дрожь.

В партере очарованный камыш,
змея под камнем, сойка на берёзе,
а кто там в ложах, ты не разглядишь,
пока стоишь и утираешь слёзы.

Концерт для тишины,
затишье, тишь
и морось,
морось, морось о морозе.

* * *

Надо только расхотеть,
расхотел уже на треть —
за пределом расхотенья
остаются жизнь и смерть.

И на те, на эти плечи
давят, как дефекты речи,
слуха, зрения, того,
что
ого и огого.

Остаётся спать и петь,
видеть, ежели смотреть,
слышать, если взялся слушать,
дни на тёрочке тереть.

Так, глядишь, и угодишь
расхотелом в расхотишь.

* * *

глаза закрыл,
но распахнулись очи:
на площади заснеженная ночь,
и если бы я был к ней приурочен,
то приписал бы сокращенье «оч.»
а так — лишь превращаясь
в слух и зренье

и пробуя на вкус
и прах, и пух,
смотрел, писал, читал
стихотворенье,

не про себя —
нас было больше двух.

* * *

Посёлок дачный,
свет наждачный —
глухой и кисловатый, пресный свет.
Всё остальное ощутимо сверх.

Утрачивая форму и объём,
я всматриваюсь в твой фотоальбом.

Скороговорки городской бубнёж,
дождя считалка —
ты сегодня водишь.
Но солнца триединство
не пропьёшь, не прогуляешь
и не проворонишь.

Борьба с сентиментальностью сродни
борьбе с дождём,
под козырьком одни,
коварный ливень нас застал врасплох,
ни шагу не шагнуть, не сделать вдох,

ведь там, за непрерывностью воды,
сады и парки, парки и сады.

* * *

На костяшки домино
я смотрю и пью вино,
нет, не беленькие точки —
тьмою всё занесено.

Остаются островки:
вот «шесть-шесть», а вот — «три-три»,
а туда, где «пусто-пусто»,
не смотрю, и не смотри.

